

Мысли Сов. культура. - 1990. - 3. Март-апр. - с. 4. В мастерской

ли москвичи их как-то по-особенному слушали.

Кажется, здесь мы переходим к особенностям актерской игры. Но повременим, повременим... Потому что хочется еще раз, уже в памяти, познакомиться с поразительное сценическое оформление художника Эзёво Фридрижеро (художник по металлу Жан-Марк Бессоли).

Начнем с того, что здесь есть такой немодный ныне предмет, как занавес. Да, да, тот самый, который шуршит, раздвигается, «дается», падает, который по многу раз распахивается по требованию публики. Во-вторых, все изображено довольно реалистично и правдиво — и задник, который дотошно передает суховато горькие пейзажи тех литературных мест, и вполне реалистичное мельничное крыло, о которое рыцарь сломал свое боевое копье, и жареный на блюде поросенок, которым потчует герцог-насмешник своих гостей. Нс ведь театр — искусство условное, и опыт показал, что чем больше выдумки и дальше от бухгалтерии жизни, тем ближе к ее сути. Ведь коврик на площади, на котором фокусник показывает свое искусство, тоже театр! Так что же так напоминает черный блестящий пол сцены, по которому катаются электрифицированные конь и осел? И черный, поблескивающий гранитным холодным блеском портал, и отражающие свет черные неколеблемые падуго и кулисы? «Дания — тюрьма» — вспоминается самое расхожее. Испания — Эскориал. Гранит и черный мрамор эскориальского собора, гробница под гранитным полом...

Но вот что интересно: перед занавесом, на просцениуме сидят два гитариста в белых рубашках и играют на гитарах, а на сцене время от времени между театральными сценами появляются два молодых человека и прелестная девушка и танцуют фламенко. Очень подлинно, в традиционной сухо-страстной манере. Так подлинно, что пришлось заглянуть в программку. У этой пятерочки, что пляшет и играет, имена самые что ни на есть исконно испанские. И создается еще один пласт спектакля — образ народной жизни. В бессмертной книге это то, что лепит и ваяет язык, приметы быта, авторская интонация. Здесь — танец. Впрочем, емкость фламенко невозможно описать словами. Народная жизнь, которую трудно заковать даже в королевский черный гранит.

А что же играют Жорж Вод-Водзицкий и Морис Офер — Дон Кихот и Санчо Панса? Мы ведь достаточно хорошо

знаем традицию исполнения этих ролей. Здесь особенно повезло сентиментальности, буффонаде сна и обжорства, должных символизировать народную жизнь и гротесковую нелепицу худого человека из другого времени. Вполне благополучный и беспронгрышный набор. Однако оба прекрасных актера из Женевы играют какую-то русскую ноту в этой испанской классике. А скорее, подлинную, из самого романа. Играют двух интеллигентов, двух свободных людей. Так, может быть, новизна этого вполне традиционного спектакля в том, что, глядя на них, мы вспоминаем себя? Раздумываем о будущем? Что лежит в глубине каждого сумасшествия? И кто в конце концов в этом мире безумен?

Теперь два соображения попутно. Летом прошлого года в Москве была открыта выставка этрусских древностей. Уникальные вещи были привезены из Италии и показаны в Музее народного искусства на Садовом кольце рядом с Каретным рядом. В центре! И тем не менее так обидно мало на этой выставке было народа. Дело здесь не в рекламе, а в нашей инерции, в легкомысленной привычке пользоваться телевизионными, а не собственными переживаниями. А переживания, впечатления, которые давала эта выставка, были неповторимыми. Но я представляю, что творилось бы, если бы выставка, скажем, называлась «Золото этрусков». Понятна мысль, интеллигенция? И этот удивительный спектакль из Женевы тоже шел не с переаншлагом...

И еще. Опять мысль по поводу. На театральной афишке приезжих гостей написано: «Театр де Каруж получает дотацию от: городского управления Женевы, Государственного управления кантона Женевы, городского управления Каружа». А мы последнее время говорим и говорим о самоокупаемости искусства! Буржуазия и капитализм вслед за древними тиранами и средневековыми аристократами давно уяснили себе, что настоящее искусство — вещь чрезвычайно дорогая, требующая меценатства. Но они, эти кровопийцы, знали о том поразительном общественном и даже экономическом эффекте, который это дорогое искусство дает. Здесь неизвестно, кто еще у кого оставался в долгу. А вот это никак по-настоящему, всерьез не может понять управляющий аппарат государства, на знаменах которого строго и серьезно начертано: все для блага человека!

Вот такие мысли возникли у меня на спектаклях Женевской мастерской.

Сергей ЕСИН.

ИСКУССТВО тем и велико, что вызывает раздумья и рождает наслаждение. Итак, драматический спектакль «Дон Кихот». Гастролеры — «Театр де Каруж-Женева. Женевская мастерская», игравшие на сцене Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Так сказать, в академическом зале шел — в лучшем значении этого слова — академический спектакль. Одно только может вызывать недоумение у какого-нибудь чиновника от искусства, привыкшего к спрямленно-собойтиной логике: как же так, воскликнет сей заположенный управленец, — испанский роман, французский драматург, итальянский художник, спектакль из Швейцарии, да еще и поставлен режиссером Жоржем Вод-Водзицким, по-ляком по происхождению!

Да вот так. Но это, впрочем, к вопросу главному в искусстве — не почему, а как? И к тому, что в настоящем и подлинном искусстве логика определяется не идеологизированными головными и опасливыми построениями, а желаниями и подлинностью волнения художника. От подсознания — к сознанию.

Итак, три часа не самый терпеливый московский зритель имел честь слышать в переводе с французского текст испанского романа и в конце спектакля устроить овацию. Овация всегда ведь результат собственной счастливо разрешившейся зрительской работы и радости от ее серьезности. Чем больше театр заставляет зрителя «попотеть» над задаваемым эстетическим и нравственным уроком, тем сильнее, как известно, аплодисменты.

На сцене — Испания, таверна, мельница, остров, монахи, племянница, дамы, герцог, герцогиня и два персонажа — главных! — ведущих между собою бесконечные разговоры. Разговоры и держат зрительское внимание.

Но сначала о формальной стороне. О коне и осле. Персонажах тоже в романе не последних. Чудесный Росинант, в соответствии с требованиями автора закованный в боевые латы, откуда торчат его тонкие ножки, и не менее выразительный осел по кличке Серый, тоже выполненный в предельно условной ковано-железной манере с небольшим электромоторчиком и ведущим роликом у заднего левого копыта и скрытым в утробе источником электропитания. Очень лихо Росинант и Серый двигаются по сцене, неся на своих кованых спинах всадников, выписывают вензеля, зигзаги, останавливаются. Нелепый рыцарь Дон Кихот и его доблестный оруженосец спешиваются, потом снова садятся в седла, перед ними проплывают картины и пейзажи Испании, а они ведут при этом между собой бесконечные разговоры.

О чем говорят персонажи знаменитого до хрестоматийности романа? Тексты самые известные. Говорят о мире, свободе, о любви и целомудрии. Но, видимо, эти театральные фигуры эти тексты говорили как-то по-особенному, ес-